

КЛЭР МАКФОЛЛ

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ

Москва
2020

УДК 821.152.1
ББК 84(4Ирл)-44
М15

Black Cairn Point, Claire McFall

Text copyright © 2015 Claire McFall

Перевод с английского *Елены Музыкантовой*

Художественное оформление *Ольги Сапожниковой*

Макфолл, Клэр.

М15 Последний свидетель / Клэр Макфолл ; [перевод с английского Е. В. Музыкантовой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-109694-6

Иногда место, похожее на рай, может оказаться настоящим адом. Компания из трех парней и двух девушек отправляется на побережье Ирландского моря. Живописный безлюдный берег, тишина и ощущение полной безопасности. Невозможно представить, что это райское место скрывает тайны о человеческих жертвоприношениях.

Но когда молодые люди находят неподалеку древнее захоронение и забирают странный предмет, жуткие события прошлого переплетаются с реальностью. Нечто зловещее и смертоносное начинает преследовать их, и выбраться из ловушки удастся не всем.

Но только одному из них суждено рассказать правду о том, что произошло на самом деле.

УДК 821.152.1
ББК 84(4Ирл)-44

- © Музыкантова Е., перевод на русский язык, 2020
- © Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109694-6

*Посвящается Гарри.
Ты спас меня от чудовищ*

Глава 1

Сейчас

Жду. Невпопад барабаню пальцами по жесткому пластиковому подлокотнику кресла. Этот шум грубо перекрывает легкий стрекот клавиш эргономичной клавиатуры администратора. Вижу, как она вздрагивает, и знаю, что звук ей так же приятен, как скрежет ногтей по доске.

Вот и хорошо.

Безмолвный протест — единственное, что я могу себе позволить, потому что ждать — это привилегия. Это значит, что я поднялась на одну ступеньку выше по «лестнице доверия» доктора Петерсена. Одна ступенька на пути, уходящем куда-то в облака. Я в самом низу. И не собираюсь подниматься на вершину. Тем не менее мой небольшой прогресс имеет свои плюсы. Прежде всего я в своей собственной одежде. Мои руки свободны, и я могу продолжать словно бы невзначай мучить высокомерную секретаршу. Безмятежно улыбаясь ей, стучу немного громче.

Дверь открывается. И я, и администратор смотрим в сторону светлого прямоугольника, но никто не выходит. Через дверной проем вижу увешанную сертификатами кремовую стену и пушистый край алого ковра. Вроде бы ничего не происходит, но администратор, похоже, улавливает какой-то неизвестный мне сигнал.

— Доктор Петерсен готов вас принять.

Она довела этот тошнотворно-сладкий голос до совершенства. Профессиональный, вежливый и буквально сочащийся презрением. Не глядя на нее, встаю с кресла. Резиновые подошвы моих кед — до настоящей обуви еще минимум шесть «ступеней» — беззвучно ступают по дешевому ламинату. Зато тяжелые шаги сопровождающего, немного не в такт с моими, громко объявляют о моем приближении. Так громко, что доктор Петерсен, по идее, должен бы поднять голову и поздороваться.

Ничего подобного.

— Как ты сегодня себя чувствуешь, Хезер? — спрашивает он листок бумаги у себя на столе.

Листок не отвечает. Проходит добрых восемь секунд, прежде чем доктор удостоивает меня взглядом.

— Хм? — Он вопросительно вскидывает брови; лицо открытое, доброжелательное, словно мы друзья. Словно верим друг другу.

Не верим.

По-прежнему глядя на него, я сажусь в роскошное кожаное кресло напротив стола. В этой комнате нет никакого уродливого гнutoго пластика. Доктор первым

отводит глаза, и я позволяю себе едва заметно торжествующе ухмыльнуться. Он нервно перебирает бумаги на столе, несколько раз щелкает украшенной гравировкой серебряной ручкой, поправляет галстук, рубашку. Затем прочищает горло и вперяется в меня взглядом.

Вот теперь мы играем всерьез.

— Ты готова сегодня говорить, Хезер?

С тобой? Нет.

Он читает ответ на моем лице и вздыхает. Опершись на стол, доктор бросает ручку и складывает пальцы домиком. Мягкий желтый свет от вмонтированных в потолок ламп отражается в печатке на мизинце правой руки. Не могу разобрать, что там изображено, лишь полустертые от времени остатки гравировки. Вроде морщин вокруг глаз доктора, отвратительных брылей у недовольно скривленного рта. Он всегда смотрит на меня с таким выражением. Что ж, наши чувства взаимны.

— Знаешь, мне предстоит написать отчет в суд.

Я пренебрежительно скидываю бровь. Да неужели?

— Судья желает узнать, есть ли прогресс, как твое душевное состояние. Хезер, я не смогу ему ответить, если ты не будешь со мной общаться.

Записанные, эти слова создадут впечатление, что доктор, который их произносит, искренне тревожится о состоянии пациентки, о ее благополучии. Уверена, именно так оно и выглядит в заметках администратора — а нашу встречу однозначно стенографируют, пусть даже я не вижу оборудования. Лишь слышу угрозу в голосе доктора.

«В моей власти упечь тебя туда, где будут не ремни на кровати, а решетка на окне». — Вот что он на самом деле говорит. — «Будь умничкой, откройся мне,пусти в свой разум, и сможешь карабкаться по лестнице до тех пор, пока однажды над твоей головой не окажутся лишь синее небо и яркое солнце».

А вот чего доктор Петерсен не понимает, так того, что я нигде не в безопасности. Ни здесь, ни в тюрьме, ни даже на свободе. Неважно, где именно. Я не в безопасности. Тьма куда могущественнее его унылых бюрократических запугиваний, на фоне нее эта ситуация — просто нелепое кукольное представление.

Да он и не поймет ничего. Так какого черта мне играть по его правилам?

Доктор явно считывает эту мысль по моему взгляду и выражению лица. На миг он теряется и роется в кипах моих документов — отчеты, медицинские записи, факты и цифры, — ищет что угодно, лишь бы заполнить молчание. Ему не так комфортно в тишине, как мне. Внезапно его глаза загораются. Я прищуриваюсь. Что он такое нашел?

— Это бланк выпуска из-под заключения, — говорит он и на секунду взмахивает листком голубой бумаги. Не успеваю присмотреться, как доктор возвращает его в кучу. Бланк выпуска? Что ж, теперь мне интересно. Нет смысла это скрывать. Он сравнял счет и только что не раздувается от гордости. — Требуется моя подпись, подтверждение, что ты до-

статочно стабильна и тебя можно временно выпустить из этого учреждения для проведения операции на правой руке...

Моя рука. Я опускаю взгляд. Руки сложены на коленях, и я бессознательно прикрываю правую нетронутой левой. Пострадавшую кисть я не вижу, но все равно чувствую: сморщенную кожу, грубые края шрамов. Медленно меняю позу и кладу руки на оба колена. Сравниваю.

Левая: бледная кожа, тонкие длинные пальцы, никакого лака, ногти настолько отросшие, насколько мне тут позволяют. Все-таки ими тоже можно сражаться. Я сражалась, когда пришлось.

Правая: красная, изуродованная, ногти либо кривые, либо вовсе отсутствуют. Скорее когтистая лапа, чем рука. Уродливая. Чудовищная.

Чувствую, как на глаза наворачиваются слезы, и ничего не могу поделать. Моя рука. Петерсон продолжает говорить, но я его не слышу.

— Хезер? Хезер, ты меня слушаешь?

Нет.

— Чтобы я подписал бланк, тебе нужно показать, что ты способна общаться. Что ты достаточно разумна, и тебя можно выпустить из этого заведения для процедуры. Сегодня ты должна со мной поговорить. Это важно. — Он берет другой документ; толстую стопку, страниц так много, что скрепка натянута. — Мы обсудим твое заявление в полицию. То, что ты им сказала. — Доктор делает паузу, словно ждет, пока я что-то скажу, разрешу ему продолжить. —

Клэр Макфолл

Твои собственные показания, Хезер. Именно так, как ты их сформулировала. Давай начнем с самого начала.

Начало?

Размышляю об этом, баюкая свою руку. Закрываю глаза и представляю, что я не здесь, а лечу по трассе в окружении друзей. Я практически слышу музыку, что гремит из радио.

Глава 2

Тогда

Музыка ревела из динамиков, но оглушительные ударные и пронзительный визг вокалиста терялись за какофонией наших пяти голосов, пока мы пытались перекричать друг друга. Снова вступила группа, мелодия изменилась и пошел проигрыш, мы дружно набрали воздуха в грудь... и рассмеялись: никто из нас не знал слов.

— Обожаю эту песню! — Эмма, что сидела впереди, закинув скрещенные ноги на панель, развернулась и улыбнулась мне, Мартину и Дуги. Мы втроем теснились на заднем сиденье.

— Да? И чья она? — Ее парень, Даррен, оторвался от дороги, ухмыльнулся и вопросительно вскинул бровь.

Повисло молчание, которое лишь усугубили сдержанные смешки ребят по обе стороны от меня. Я притихла — тоже не знала, что за группа.

— Не знаю, — наконец сдалась Эмма. — Ей сто лет в обед!

— Это «The Small Faces», — тихо подсказал Мартин. — С ними выступал Род Стюарт, прежде чем стал знаменитым.

А. О нем я слышала.

— Да все равно, — беззаботно ответила Эмма и перекинула через плечо свои длинные светлые волосы.

Меня не обмануть: она так делала, когда огорчалась не столько взаправду, сколько просто хотела внимания. Однако Даррен снял с руля левую руку и виновато потрепал Эмму по бедру:

— Я же просто шутил.

Его рука продолжила скользить вверх-вниз по загорелой коже от колена до подола юбки Эммы. И раз уж я сидела на крошечном месте посередине, то невольно пялилась прямиком на эту картину. Я мысленно сосчитала до десяти, надеясь, что Даррен прекратит, но, увы, он не угомонился, поэтому я повернулась налево и удовольствовалась возможностью смотреть мимо Дуги на залитую ослепительным солнечным светом зелень сельской местности Эршира. Почувствовав мой маневр, Дуги обернулся. Уголки его губ изогнулись, и на щеках появилась пара ямочек. Мне нравились эти ямочки так же, как нравились его голубые и добрые глаза — и он смотрел прямо на меня. Я просидела три секунды под его пристальным взглядом, прежде чем мне пришлось повернуть голову и уставиться в другое окно, чтобы скрыть свои горящие щеки. На этот раз уже Мартин насмешливо посмотрел на меня, заметив мое пылающее лицо, но его я могла игнорировать.

По эту сторону вид был скромнее — холмы и пастбища, прерываемые лишь двумя полосами трассы

встречного движения, — зато безопаснее. Я пялилась туда, пока пульс не пришел в норму.

— Пит-стоп, — объявил Даррен и в последнюю секунду с шиком выполнил резкий разворот. Эмма преувеличенно взвизгнула и схватилась за сиденье. Я тоже взвизгнула, хотя и гораздо тише, впившись ногтями в ногу Мартина, чтобы по инерции не рухнуть на колени Дуги.

— Прости, — пробормотала я, когда приятель принялся растирать пострадавшую конечность.

Он коротко улыбнулся, мол, ничего страшного, а затем сердито зыркнул на Даррена. Я подавила усмешку. За все утро Мартин с Дарреном десятком слов не перемолвился. А когда Эммы не было рядом, так и вовсе звал ее парня безмозглым качком, тупой грудой мяса. Но раз уж мы собрались отпраздновать день рождения Дуги, Мартину приходилось соблюдать приличия.

Вообще-то поначалу на природу должны были поехать только мы троим, но моих родителей не сильно вдохновила идея, что их дочь отправляется куда-то одна с двумя парнями. Именно Дуги предложил взять с собой Эмму — ну и Даррена, раз уж Эмма никогда бы не согласилась поехать без него. Поначалу я расстроилась, волнуясь, не испортят ли они нам отдых, но Дуги заверил, что все планы в силе и ничто не помешает нам повеселиться. Плюс у Даррена была машина, а значит, можно уехать подальше, куда глаза глядят, а не тусоваться на окраине города.

— Зачем мы остановились? — спросил Дуги из-за моего плеча.